

Молли Н

**ХОЗЯЮШКА
ДЛЯ (ЗАМКА) НЕКРОМАНТА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М75

Молли Н

М75 Хозяйюшка для (замка) некроманта / Молли Н – М.: Литнет, 2025. – 102 с.

ISBN 978-5-521-94339-5

Умерла и оказалась мало того, что в средневековье, так ещё и в теле крестьянки. Моё будущее расписано: ежедневный тяжёлый труд, замужество, побои, ежегодные роды и ранняя смерть. Женихи тоже как на подбор: старый вдовец без зубов или сын старосты – местный юродивый. Единственный шанс изменить жизнь – стать женой некроманта. Местные его боятся. Он не только владеет страшными силами, но и внешне очень отличается от них: бледная кожа, чёрные волосы, высокий рост и странные чёрные глаза. А вот мне он кажется красавчиком. И я уже предвкушаю первую брачную ночь. Но тут облом: оказывается некроманту нужна не жена, а хозяйка, занимающаяся замком. Никогда не мирилась с определенной мне участью, и сейчас начинать не собираюсь!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94339-5

© Литнет, 2025
© Молли Н, 2025

Глава 1

Чувствую себя ужасно. Во рту сухость, тело ломит, словно после тяжёлой болезни, мысли путаются, кожа липкая от пота. До меня доносится равнодушное:

- Мам, ну чё?
- Дышит ещё. Дадут боги, мож и не помрёт.
- Да? Ладно. Я тады в огород. За мелким присмотри.
- Ладно.

Открываю глаза. Надо мной склоняется безобразная старуха. Приподнимает мою голову и подносит к губам чашку:

- Пей, Марыська.

Делаю глоток. Вода прохладная, вкусная. Такое чувство, что впитывается в меня, не успевая добраться до желудка. Голова кружится, сознание начинает уплывать.

Когда выпиваю всё до капли, старуха укладывает меня обратно на кровать. Голова касается подушки, и я вырубаясь.

Новое пробуждение уже менее неприятное. Мне всё так же плохо, но мысли уже путаются не так сильно. Сил хватает даже на то, чтобы повернуть голову и осмотреться.

Я лежу в углу на матрасе. В поле моего зрения попадает маленькое окно, затянутое промасленной тканью, белёные стены и низкий потолок с балками, по которому змеятся трещины. Ламп или люстр нет. У противоположной стены стопка матрасов и сундук. Пол земляной.

Это место мне совершенно точно незнакомо.

Роюсь в памяти. Последнее, что помню – это как я съела четверть арбуза, потому что он бы испортился за выходные, села в машину и поехала на дачу. На полпути меня припёрло. До заправки доехать никак не успевала, остановилась на обочине и углубилась в лес. Облегчившись, уже повернулась идти обратно к машине и вдруг

увидела белоснежного волка. Помню, ещё очень удивилась, что его шерсть белая. А потом волк прыгнул прямо на меня... Было больно. Это последнее, что я помню.

Накатывает страх: а вдруг меня спасли, но я осталась калекой?

Пытаюсь подвигать ногами и они меня хоть и с трудом, но слушаются. Когда слегка приподнимаю голову, вижу, как шевелятся. Из чего делаю вывод, что это не самообман и ноги действительно в порядке. И раз у меня получилось поднять голову, позвоночник, скорее всего, тоже.

Может быть, волк меня не убил, а я просто потеряла сознание? И какой-то деревенский житель притащил меня в свой дом? Но почему в таком случае он не вызвал мне скорую? Странно.

Вынимаю из-под грубой ткани, которой меня укрыли до шеи, руку и подношу её к лицу.

И это совершенно точно не моя ладонь. Дело даже не в том, что кожа грубая и мозолистая; и не в том, что пальцы тоньше моих, а сама ладонь уже. Дело в том, что эта ладонь принадлежит молодой девушке, а уж никак не пенсионерке.

– Марыся, ты пришла в себя? – раздаётся обрадованный старческий голос от дверного проёма.

В комнату входит та же старуха, которую я видела во время своего прошлого пробуждения.

Пытаюсь ей ответить, но из горла вырывается только хрип.

Она подходит и касается моего лба губами. Отстраняется и кивает:

– Температура спала! Хвала богам! Мы уж так боялись! Шорха и Лата эта зараза не коснулась, да и матушки твоей, хвала богам, тоже. Староста уже и жертвы богам приносил, а всё одно каждый день эта зараза сызнава кого-то косила. Пришлось к некроманту на поклон отправляться. Но сама понимаешь, пока до него добрались, пока он приехал, почитай, треть народа уже и того, преставилась. Я, твой отец с матушкой, Шорох, Лат, ты да Ижиса только и остались от нашей семьи... Некромант, нелюдь этот, по домам

походил, знаки свои жуткие нарисовал, а потом выдал порошки для каждого, кто заболел. И несколько про запас оставил. Сказал, только от этой болезни поможет, да и силу имеет не больше месяца. И самолично убедился, что всем больными выдали при нём... Это он правильно. Староста наш тот ещё крохобор... Сейчас водички тебе принесу. Погодь.

Обалдело хлопаю глазами. Марыся? Некромант? Жертвы богам? А главное – рука не моя. Поднимаю ладонь и снова смотрю на неё с недоумением. Снова убеждаюсь, что она принадлежит другому человеку – гораздо моложе меня.

Старушка выходит и возвращается с чашкой воды. Выпиваю всё до последней капли. Она улыбается:

– Мы уж боялись, что и ты того. Да видно зелье некроманта дуже сильное, раз даже тебе помогло... Девочек не так уж много осталось в деревне, глядишь, и для тебя муж найдётся. Ванка померла, так шта Юсыр без жены нонче. Деточек у него четверо всего осталось, всяко будет им мамку искать. Он, конечно, строгий, жену проучить любил, но так оно дело такое – помилее будь, глядишь, и сживёшься... И сестра твоя Глашка померла, так что младшего сына нашего старосты за тебя сосватать могут. Он, конечно, не без изьяну, но староста всем сыновьям хаты справные ставит. Да и желающих выйти за него больше нету, не до перебору им...

Из соседней комнаты раздаётся рёв. Старушка подхватывается и уходит, я же пытаюсь переварить то, что услышала.

Похоже, в этом месте была эпидемия чего-то. И от этой эпидемии помог избавиться некромант. И зовут меня теперь не Мариана, а Марыся.

Подношу ладонь к лицу и в очередной раз убеждаюсь, что ничего не изменилось: руки не мои. Приподнимаю укрывающую меня до подбородка ткань и вижу хрупкое девичье тело в длинной полотняной рубаше с заплатками. Кожа груди молодая, тело вполне жен-

ственных очертаний, только уж очень тощее. Если добавить к этому мозолистые ладони, то жизнь Марыси не представляется лёгкой.

Моё пребывание в этой деревне, вполне можно объяснить похищением, но вот тело ничем подобным не объяснишь... Может быть, это сон, или я в коме? Если так, то очень хочется проснуться.

С этими мыслями снова погружаюсь в сон.

Просыпаюсь из-за того, что старуха трясёт меня за плечо. Она помогает мне сесть, а потом скормливает кашу, заправленную маслом и салом. Сперва еле заставляю себя жевать и глотать, но потом аппетит просыпается. Запиваю всё водой, и старушка снова помогает мне лечь.

На языке вертится множество вопросов. Но задать их не решаюсь — лучше выждать и посмотреть, что будет дальше. Не хочется вызывать подозрений — в памяти всплывает инквизиция и их весёлая традиция жечь живьём. Пока у меня недостаточно информации, лучше проявить осторожность.

Старуха уносит тарелку. Обратно она возвращается вместе с девочкой лет двенадцати и двухлетним мальчиком. Они расстилают на полу матрасы, достают из сундука подушки и куски ткани, чтобы укрыться, после чего ложатся.

В комнату заглядывает женщина лет тридцати. Её светлые волосы заплетены в пышную косу, а платье из простой ткани, заношенное, но без заплаток, облегает беременный живот. Она внимательно смотрит на меня своими голубыми глазами и обращается к старухе:

— Как она? Очуняла?

— Да. Даже поела.

— Ладно. Завтра пусть тебе в доме помогает. А потом нужно уже и огородом заняться. Некогда разлёживаться.

— Добре.

Всё ещё чувствую слабость, да и сытый желудок приятно согревает, так что снова погружаюсь в беспокойный сон.

Меня расталкивает бабка. Когда открываю глаза и пытаюсь рассмотреть её в полумраке, она ворчливо произносит:

– Вставай давай. Пора еду готовить. Дочка сказала, что сегодня ты мне на кухне помогаешь.

– Ладно, – соглашаюсь я и осторожно приподнимаюсь.

Встать удаётся, вот только голова от слабости так начинает кружиться, что приходится опереться ладонью о стену, чтобы не упасть.

Старуха кривит рот:

– Всё ещё плохо тебе? Давай помогу переодеться.

Стаскивает с меня влажную ткань сорочки, а затем помогает надеть платье из серой грубой ткани. Оно выглядит поношенным, со следами ремонта, но выбирать не приходится.

Когда я снова пошатываюсь, старушка подпирает меня плечом и ворчит:

– Давай до туалета тебя провожу. Глядишь, на свежем воздухе очуняешь.

Идём медленно. Голова всё ещё кружится, но на улице действительно становится легче. В нос ударяет запах навоза, сена и мяты. По утоптанной тропке доходим до деревянного туалета. Старуха ждёт, пока я справлю нужду, и ведёт меня обратно.

– Мне бы помыться, – прошу я.

– Неча воду переводить! – ворчит она. – Готовить пора. Твой батюшка будет недоволен, если с завтраком запоздаем.

Возвращаемся в большую комнату, через которую шли на улицу. В углу возвышается здоровенная печь, в центре – длинный грубо сколоченный стол, окружённый табуретами. У стены буфет с рядами глиняных мисок. Здесь полумрак, и чтобы его разогнать, старуха зажигает лучину – длинную деревянную палочку.

Опирает меня на стену в углу, затем подтаскивает ко мне мешок картошки и вручает нож:

– Ты почисти, а я пока печь растоплю, да лепёшек напеку. Сейчас чугунок принесу.

Она достаёт из печи чугунок и ставит рядом со мной. Потом подтаскивает ведро, куда можно бросать очистки, и хмурится:

– Давай быстрее!

Пока чищу картошку, старуха растапливает печь, и начинает готовить тесто. Мука грубого помола, сероватая. И мне, как санитарке, режет взгляд то, что бабка не помыла руки перед готовкой. Но молчу – пока я не понимаю, что происходит, лучше не высываться.

Через десять минут тесто готово. Старуха раскатывает тонкие лепёшки, после чего обжаривает их на сковороде и складывает румяной стопкой на тарелку.

В комнату заходит беременная женщина, которую я видела вчера. Осматривает происходящее и кивает:

– Добре... Пойду огороднины какой поищу к завтраку-то. И сальца достану... Марыся, ты как?

– Голова кружится, – честно признаюсь я.

– Не брешешь?

Качаю головой, но женщина недоверчиво переводит взгляд на старуху. Та кивает:

– Слаба она пока. Еле до туалета дошла.

Женщина кривится:

– И почему боги забрали не её, а Таночку мою? Ох уж, несчастливая моя доля...

С этими словами она уходит на улицу.

Старуха никак не комментирует слова этой женщины, поэтому произношу, в надежде получить больше информации:

– За что она так со мной?

Та хмыкает:

– На Таночку сын старосты из соседней деревни заглядывался. Выкуп готовил. Обещался коровку нам справить. Как картошку бы собрали, сватов прислал бы. А ты что? Правильно говорят, рыжеволосые не к добру рождаются. А ишь ты – выжила. И даже болезнь тебя не взяла.

Теперь я знаю больше, но радует ли меня это? Определённо нет.

В темноте было сложно различить цвет моих волос, но теперь, перекинув косу вперёд, убеждаюсь, что она действительно с рыжиной. А рыжих здесь, похоже, не любят. Вероятно, именно поэтому старуха и прочила мне таких женихов.

Женщина возвращается с корзинкой овощей и зелени. Смотрит в мою сторону и поджимает губы:

— Чего ты возишься там?

— Я уже закончила, — отвечаю, опуская в чугунок последнюю картофелину.

— За стол пересаживайся. Салат резать будешь.

— А где можно помыть руки?

— Тебе что, память отшибло? — кривится женщина.

— Я её провожу, — старуха перекладывает на тарелку очередную лепёшку, помогает мне подняться, а потом ведёт в коридор к ручной мойнику.

Доливает в него полчашки воды и выжидательно смотрит. Мыла вокруг не наблюдается, так что просто споласкиваю руки и вытираю куском грубой ткани, висящей рядом на гвоздике. Затем старуха подводит меня к столу, где меня уже ждут большая миска, нож и разделочная доска. Когда начинаю резать, женщина какое-то время стоит и наблюдает, а затем уходит в коридор, ведущий к комнате. Возвращается в сопровождении девочки, которую я видела перед сном.

Чугунок забирает бабка и уходит в коридор. А когда возвращается с вымытой картошкой, залитой водой, ставит чугунок в печку.

Девочка вместе с женщиной выходят на улицу. Минут через десять девочка возвращается одна с маленькой корзинкой, полной яиц. Затем она снова уходит во двор. Минут через двадцать заходит женщина с ведром молока, разливает его по чашкам, а остаток переливает в кувшин, который водружает на стол.

Старуха смазывает сковородку куском сала и готовит яичницу из десяти яиц.

К тому моменту, когда я заканчиваю нарезать огурцы, помидоры и зелень, женщины начинают сервировать стол. Молодая достаёт кусочек сала, тонко его нарежает, затем водружает на стол лепёшки и расставляет миски с ложками.

Меня сгоняют с места, и я снова занимаю тот же угол. Желудок от съедобных запахов и вида еды болезненно сжимается. Чувствую жуткий голод. Снова возвращается головокружение, и я упираюсь лбом в колени, чтобы его переждать. А когда становится лучше, наблюдаю за тем, как хозяйшкн продолжают готовить завтрак.

Картошку достают из печи и перекладывают на большую тарелку, которую размещают в левой части стола. В центре ставят тарелку с лепёшками, а правее – яичницу и сало.

В комнату входит бородастый мужик и оглядывает хмурым взглядом стол:

– Шорох ещё не проснулся? Иди разбуди.

– Я сейчас, – угодливо улыбается женщина с косой.

Мужчина садится в торец с левой стороны стола, как раз напротив тарелки с салом. Старуха тут же суетливо накладывает ему несколько картофелин, треть яичницы, заворачивает в лепёшку половину всего нарезанного сала, и мужик приступает к завтраку.

Мой желудок снова болезненно сжимается в голодном спазме, и я отворачиваюсь от стола. Очень хочется сесть и поесть, но решаю выждать. Кто знает, как у них тут всё заведено. Не хочу вызвать подозрения.

Женщина возвращается с крепко сбитым парнем и мальчиком. Со двора возвращается девочка. Парня и мальчика садят с обеих сторон от мужчины. Следом усаживаются старуха и женщина. Нам с девочкой достаются места, расположенные на противоположном от мужика конце стола.

От моих соседей откровенно воняет потом и немытым телом. Но, похоже, никого, кроме меня, это не смущает.

Почти всё оставшееся сало старуха перекладывает на тарел-